

Выпускник Челябинского медицинского института. Ряд специализаций получил в Ленинградской Военно-медицинской академии. Был военврачом и спортивным врачом. Работал эпидемиологом, психологом, психофизиологом и психотерапевтом. Выпустил книги: «Визит киллера», «Люди. Голуби. Волки», «Живи с юмором», «Еврейские мелодии», «Психотерапия в художественной форме». Автор нескольких киносценариев. Член Российского Союза профессиональных литераторов.

Лев Левнер

Шабат шалом

Уже в пятницу по всей стране слышится: «Шабат шалом! Шабат шалом!»

Водитель автобуса, шофёр такси, сосед по дому, совсем незнакомый человек в лифте, продавец в магазине и даже обсчитавший вас на несколько шекелей кассир улыбнётся и скажет вам: - Шабат шалом. И Вы, накрывшая этого кассира и устроившая ему за свои шекели небольшой скандалчик, ответите ему: - Шабат шалом.

Потому что у евреев так принято – желать друг другу хорошей праздничной субботы. И кто сказал, что это плохо? Более того – это хорошо.

Но истины ради, надо сказать, что праздничные субботы – это чисто еврейское изобретение, как и национальность по матери. – Ни у кого нет, а у нас есть. И совершенно не имеет никакого значения, какая сегодня власть на дворе – белая или красная, праздник в субботу нам гарантирован. В месяц это аж 4 праздника, за год – 48, а к ним можно добавить ещё и другие, но 48 праздников в любом варианте уже есть. Причём какие! – Не праздники, а мечта миллиардера: целый день ешь, пей и, упаси Господь, ничего не делай.

Мы едем на машине моего приятеля Фреда Вайсберга к нему домой, чтобы успеть субботу начать ещё в пятницу. Я очень люблю бывать у него, потому что его жена Марина, милейшая и очень гостеприимная женщина, прекрасно готовит и каждый праздник превращает в национальный праздник живота.

Как Фред ведёт машину и как мы до сих пор никуда не врезались, мне совершенно непонятно. В одной руке он держит огромную, длинную,

воздушную белую булку с маком, которую откусывает каждые 7 – 8 секунд, во второй – у него мобильный телефон, по которому он с кем-то разговаривает, зажжённая сигарета и чья-то визитная карточка. Её Фред никак не может прочитать, потому что без очков плохо видит. При этом он успевает себя ругать за то, что не взял с собой очки, и переговариваться со мной.

- Смотри, - вдруг говорит он, - смотри, какие красивые цветы на этом кустарнике, - и тут же поворачивает голову сначала влево, затем ещё левее, и, наконец, почти на 180 градусов назад, - не отвлекаяйся, посмотри на этих двух красоток. Вон с той, что повыше, я сегодня чуть не переспал..

- Что? – включаюсь я в разговор, - это когда же ты успел?

- Ночью. Сегодня ночью, во сне.

- Опять не понял. Как это во сне? Ты что, с ней знаком?

- В том-то и дело, что не успел. Если бы был знаком, то переспал бы обязательно. Понимаешь, - продолжает Фред, - она мне приснилась. Сплю и вдруг вижу во сне: она заходит. Проходит в комнату, затем в спальню, улыбается, палец к губам прижимает – ну, чтобы я молчал, значит. Затем раздевается – и ко мне. Прямо под бочок! Что я тебе скажу, Лёня, давно я не видел такой красоты.

- Ну, а ты? – у меня аж во рту пересохло.

- А что я? Я хотел сначала познакомиться, всё-таки, не семнадцать лет. Поворачиваю я эту незнакомку к себе и спрашиваю:

- И как же тебя зовут, прекрасное дитя?

- Ну, а она?

- Она даже рта не успела открыть, как вмешалась моя Марина.

- Извини, Фред, причём здесь твоя Марина? Она тебе тоже приснилась?

- Да нет. Я дома сплю с Мариной.

- А-а-а, - тяну я, тогда всё понятно.

- Ничего тебе непонятно. Ты слушай, не перебивай. Значит, я только спросил, как тебя зовут? И тут Марина. Вот хорошая она баба, но любит встрять не по делу. Я уже губу раскатал, думаю, как ответит, я её и прижму к себе. И тут Марина говорит таким строгим голосом, будто я её ученик и мы в школе, а я провинился: - Ну-у-у!

- А ты?

- А что я? Я просыпаюсь, смотрю, кроме Марины, в постели никого, к сожалению, нет. А Марина склонилась надо мной, смотрит и опять: - Ну-у-у? Ты что, опять забыл, как меня зовут?

- Ну, и что ты ей сказал?

- Да ничего не сказал, - вздыхает Фред, - Что я могу ей сказать? Повернулся и

заснул.

- Так ты эту, что двое прошли, совсем и не знаешь?
- Да откуда? Этих я, вообще, впервые вижу, тем более, что и познакомиться тогда во сне не успел.

Я почувствовал, что начинаю тихо сходить с ума:

- Слушай, Фред, не улавливаю логику.
- Да пошёл ты со своей логикой! Если бы ты видел, какая она была красивая.
- Ладно, - говорю я. – Фред, поехали. Скажи мне лучше, кто изобрёл шабат.
- Шабат? – переспрашивает Фред. – Бог. Кто же ещё. Бог и изобрёл.
- А зачем?
- Да затем, чтобы евреи отдыхали. Отдыхали и кушали.
- А ежели водопровод или канализацию в шабат прорвёт?
- Ну, прорвёт и прорвёт. Подними ноги, чтобы не замочить или не запачкать, и продолжай кушать. И меньше умничай. Сказал Бог – не работать. Значит – не работать.
- А что, накажет?
- Может и наказать. Ты думаешь: во сне у меня – просто так? Нет, ничего подобного. Чую, за что-то Бог наказал меня. Показал конфетку и отнял.
- Хорошо. А как же тогда в 1973 году, когда египтяне с сирийцами аккуратно в субботу, 6 октября, да ещё и в Йом Кипур*, напали? Ты же помнишь, мы тогда за столом сидели. Нина моя ещё жива была. Молодые были тогда, выпить могли немеренно.
- Ну, и что ты хочешь сказать? – спросил Фред.
- А то, что тогда, прямо из-за стола мы взяли автоматы и пошли работать. Я – на Галаны, а ты – на Синай. А ведь была суббота. И поработали тогда мы хорошо. Помнишь, какие обученные армии были? - Советский Союз постарался и с вооружением, и с обучением. А на МИГах, вообще, русские летали, да и в танковых колоннах советских советников – с хороший полк было – может, меньше, а может, и больше.
- К чему ты клонишь, Лёня? Говори яснее, а то – напали, напали.
- Да я к тому, что Бог-то нас не наказал за то, что мы в субботу воевать пошли.
- А чего ты удивляешься? Это же наш, еврейский, Бог. Мы же и себя, и его защищали. За что же нас наказывать? Наоборот, Он помог нам. Но дело, Лёня, не в этом – наказал, не наказал, помог, не помог – это уже вторично. А вот, когда в 1974 году тебе снится такая красивая женщина, и ты не

*Йом Кипур – День Испуления

успеваешь даже спросить, как её зовут – вот тут и задумаешься – ведь не каждую ночь тебе такие красивые женщины снятся.

Я хотел что-то ответить Фреду и вдруг увидел, что впереди, справа, стоит полицейский и показывает рукой, чтобы мы остановились.

Фред сказал несколько нехороших слов по-русски и, остановив машину, полез в карман за документами. Молодой сержант вежливо поздоровался, посмотрел документы Фреда и выписал штраф на светло-розовой бумаге. Фред сопел, но молчал. Наконец, Фред закрыл дверь и хотел, было, тронуться с места, но сержант приблизил свою улыбающуюся физиономию к открытому окну и громко сказал: - Шабат шалом!

И мы, отягощённые своими годами, два пенсионера, ответили почти хором: - Шабат шалом!

Когда мы отъехали, я спросил: - Фред, за что он тебя?

- Да скорость немного превысил. Жалко, что почти у дома.

Мы уже подъезжали к дому Фреда, где на стоянке и рядом с забором стояли машины, и несколько человек гостей, смеясь, махали нам руками.

- Почему так? – спросил Фред, - вроде бы уже и не семнадцать, и не тридцать семь даже, а вот, что имя не спросил, жалко.

- Да потому, - успокоил я приятеля, - что с годами мы не меняемся. Просто условия становятся лучше, а возможности – хуже. И ничего другого.

- Да, пожалуй, ты прав. Ладно, пойдём, философ, - лучше, хуже... Пойдём, Гости, да и Марина уже заждались.

Мы вышли из машины и стали здороваться со стоящими гостями:

- Шабат шалом! Мирной субботы!

Впереди была вся ночь и целая суббота.

И вам всем: - Шабат шалом!

Новогодний марафон

Непредсказуемость женщин совсем не определяется спонтанностью их решений, а является плодом тщательных раздумий, что и подтвердилось на предновогоднем совещании жён в кафе «Солнышко», когда при одной воздержавшейся, которая в это время в туалете поправляла причёску, они переиграли место празднования Нового года с квартиры давнишних, хорошо известных друзей – супругов Меловановых, на квартиру их новой подруги, кстати общего для них всех врача-гинеколога, - Инны Санпитер.

Мужья против такого решения, в принципе, не возражали: в конце концов, какое имеет значение, где пить водку всю ночь под хороший закус в привычной компании. И единственным человеком, пострадавшим от этого непредсказуемого решения жён, оказался Роман Сергеевич Залесский, в компании – просто Рома. И то, только потому, что 31 декабря в 8 часов вечера заканчивалось его дежурство в больнице в торокальном отделении, где он работал оперирующим хирургом. Причём, уходя на дежурство, он, как чувствовал, спросил ещё у своей жены Кати, которая и была зачинщицей всей этой праздничной перестройки:

- Кстати, Кать, а где живёт эта самая твоя Санпитер?

- А не загружайся. Не морочь себе голову. Ты же всё равно должен приехать после дежурства домой, переодеться, да и потом, я же не потащу эту сумку.

И уже в дверях Роман услышал: - Она недалеко от твоей больницы, у магазина «Малахит».

Дежурство, на удивление, проходило тихо, обыденно и, если бы не поступление в 18.00 и в 18.15 двух больных, обоих с пулевыми ранениями в область груди, вероятнее всего, Роман успел бы съездить домой и переодеться, а мы бы не имели удовольствия проследить его тернистый путь к своей новогодней компании.

На анализы, обследование, подготовку к операции, на саму операцию – на всё про всё ушло свыше трёх часов, и Роман, размывшись, сидел в ординаторской вместе с Мишей Дроновым, своим коллегой-врачом, оперировавшим на втором столе, и с наслаждением затягивался первой после операции сигаретой.

- Слышишь, Роман, не грех бы за Новый год и выпить по маленькой, - сказал Миша.

- Это точно, выпить всегда не грех, а уж за такой праздник и подавно, - согласился Роман и поднял трубку телефона. – Надюша, у нас там спиртика

не осталось?

Операционная сестра Надя через десять минут принесла полбутылки спирта и несколько бутербродов с колбасой.

- С нами будешь? – спросил Роман.

- Нет, Роман Сергеевич, у меня впереди целая ночь, боюсь, не присяду.

- Ну, нет, так нет, а мы с Мишей по чуть-чуть, тем более, что мы своё на сегодня отработали. Миша, наливай, а я пока позвоню Кате. Домой я уже не успеваю, так хоть узнаю адрес, где наша банда сегодня собирается. Тоже ведь придумали бабы – в последний момент поменяли пункт новогодней дислокации.

Позвонив жене и выслушав от неё, что всё у него не как у людей, и вечно какие-то проблемы, Роман прервал её и сказал:

- Всё, Катюха, тормози. Скажи лучше адрес этой твоей Инны-гинеколога, а сама вызывай такси, бери мою белую рубашку, сумку и добирайся сама, а я приду прямо туда.

- Ладно, - сказала Катя. – Я сейчас перезвоню Инне и объясню ситуацию, а ты поспеши, может, успеешь ещё полчаса там вздремнуть, - она сказала Роману адрес и добавила, - это около «Малахита», запомни, - и повесила трубку.

- Разбавлять будешь? – спросил Миша. – Я буду.

- Я тоже разбавлю, а то впереди целый Новый год.

Коллеги по оружию выпили за Новый год, затем ещё раз, уже по второй, чтобы «всё было хорошо», и чуть не перешли к третьей, но вовремя остановились, закусили бутербродами и, одевшись, спустились вниз из отделения и вышли из больницы на улицу.

До Нового года оставалось немного более двух часов. В морозной ночи ярко светили уличные фонари, реклама и новогодние гирлянды. Прохожие, подняв воротники и опустив уши от шапок, быстро шли по своим праздничным делам, неся полные сумки, пакеты и авоськи. Машин практически не было, и, попрощавшись с Мишей, Роман пошёл к Инне Санпитер. Выпитый спирт снял напряжение дежурства, и Роман шёл, с удовольствием вдыхая чистый морозный воздух.

Найти нужный дом и квартиру, где жила Инна Санпитер, не составляло никакого труда. Роман поднялся на третий этаж и нажал кнопку звонка нужной двери, после чего стал счищать перчатками снег с ботинок. Дверь открыла светленькая девочка лет пяти с огромными серыми глазами и расчудесным белым бантом на голове.

- Мама, - позвала девочка, - тут какой-то дядя.

Из комнаты вышла молодая красивая женщина с высокой причёской и в вечернем платье с большим декольте.

- Вам кого? – доброжелательно спросила она.

Чувствуя, что здесь что-то не так, Роман вежливо поздоровался и спросил:

- Инна Санпитер здесь живёт? – и уже упавшим голосом добавил, - гинеколог.

- Нет, - улыбаясь, ответила женщина. – Здесь нет ни Инны, ни гинеколога, - и, видя недоумённый взгляд Романа, добавила, - у нас, в нашем подъезде, вообще, такая не живёт. Вы уж извините, я спешу, - и она закрыла дверь.

На лестничной площадке стало вдруг холодно, пусто и неуютно. Роман задумался: ясно, что что-то я напутал, надо бы позвонить Катюхе. Он спустился вниз, дошёл до магазина «Малахит». В телефонной будке болтался оборванный провод. Больше телефона нигде, кроме магазина, не было. Но магазин был уже закрыт, и нужно было что-то предпринимать. Он медленно пошёл по улице, обдумывая ситуацию. Недаром говорят, что на ловца и зверь бежит. Впереди открылась подъездная дверь, и на улицу вышла молодая женщина в накинутом на плечи зимнем пальто, без головного убора. Она вертела головой, жадно вглядываясь в дорогу. Роман подошёл к ней: - Что случилось? – спросил он.

Срывающимся голосом женщина почти выкрикнула:

- Дочка задыхается. Я жду скорую помощь. Она должна была бы уже подъехать.

- Быстро води меня к дочери. Я – врач, хирург, - став сразу серьёзным и собранным, строго сказал Роман.

- А как же скорая? – неуверенно спросила женщина.

- У скорой есть адрес, но боюсь, она может не успеть. Быстро води меня. Говорить будем потом.

Опершись на детскую кроватку, в комнате стоял молодой мужчина и, раскачиваясь, как старый еврей при молитве, всхлипывая всем телом, повторял: - Ну что с тобой? Ну что с тобой? Доченька, ну что с тобой?

В кроватке на спине лежала девочка лет двух и натужно хрипела. Ручки и ножки её были вытянуты, глаза закатаны, губы синюшные, тельце неестественно белое, ротик открыт. Почему Роман сделал в тот момент то, что сделал, он и сам себе потом объяснить не мог. Он подскочил к ребёнку, быстро поднял его за обе ножки вниз головой и с силой хлопнул его по спине между лопаток. Тут же из открытого ротика выскочила маленькая жёлтая монета и, блеснув при свете лампы, со звоном закатилась под шкаф. Девочка жадно задышала, а потом заплакала. Мать схватила её на руки и, прижимая к груди, принялась обцеловывать, повторяя: - Какое счастье, какое счастье...

Оба родителя с благоговением смотрели на Романа, благодаря его и словами, и взглядами. А скорой помощи всё не было. Роман успокоился и спросил: - Вы разрешите, я позвоню от вас домой?

- Конечно, конечно. Звоните, куда хотите, хоть в Москву, - засуетился отец и повёл Романа к телефону в другую комнату.

Роман набрал номер домашнего телефона и услышал длинные гудки. Стало ясно, что жена уже уехала к Инне. Тогда Роман позвонил Балдиным, Собченко, Меловановым и, вообще, всем, кто должен был собраться сегодня у Санпитер. Везде телефоны отвечали длинными гудками. Время было позднее, и весь народ, естественно, уже вышел из дома. Роман посмотрел на часы. Было без двадцати пяти минут одиннадцать. Надо было спешить. Он встал со стула, на котором сидел, пока звонил, и направился в прихожую к входной двери. Но в это время в комнату вошли родители со спасённой девочкой. Только теперь девочка была на руках отца, а в руках матери был поднос с бутылкой открытого коньяка, тремя рюмками и бутербродами с красной и чёрной икрой.

- Нет, нет, нет, - замахал руками Роман, - мне некогда. Я не могу найти свою компанию, где, кстати, и моя жена.

- Мы Вас задерживать не будем, - сказала мать девочки, - но ни выпить рюмочку за Вас, за человека, которого нам послал Бог, мы не можем. Пожалуйста, мы Вас очень просим. Ведь скорой помощи нет до сих пор.

И Роман вынужден был согласиться. После первой «за спасителя», выпили по второй – «за здоровье спасённой девочки», и только третий тост, от которого, ну, никак нельзя было уйти – «за Новый год» - поставил точку. Роман тепло распрощался со счастливыми родителями и спасённой им девочкой и вышел на улицу. Почему-то в голове у него осело то, что эта самая Инна Санпитер живёт на третьем этаже, и он решил быстренько обежать подъезды всех домов вокруг магазина «Малахит», но своего добиться.

Невозможно пересказать все перипетии этого титанического поиска, тем более, если учесть, что из редкой квартиры, куда он стучал, его отпускали хотя бы без одной рюмки «за Новый год». Но некоторые встречи остались у него в памяти на долгие годы. В одной квартире, куда он постучал в поисках Инны Санпитер, его приняли за нижнего соседа, которого старушка-мама регулярно заливала как холодной, так и горячей водой, забыв по старости то закрыть кран, то вынуть пробку из ванны, то – и то, и другое вместе.

- У нас замечательный сосед, - распаляясь, говорила мамина дочка – пышная дама с огромными формами, с не меньшим декольте, как спереди, так и

сзади, и с повышенно большим количеством украшений на шее, руках, груди, голове и на платье, - он ни разу, прошу отметить, ни разу не пришёл к маме и не устроил ей скандал. Это золотой человек. И я предлагаю за него выпить дважды и стоя. Гости встали, и все выпили за бедного соседа снизу в лице Романа, два раза подряд. После чего, сказав, что он в туалет, Роман просто сбежал от благодарной маминной дочки и её гостей. Спускаясь вниз, он встретил на втором этаже соседку с собачкой, которая на вопрос, что это за сосед такой живёт в этой квартире, ответила, что сосед уже полтора года в какой-то заграничной командировке, и здесь пока никто не живёт. Роман давно так чисто, по-детски, не смеялся.

Второй незабываемый случай свёл его с тремя подругами. В силу разных обстоятельств, они решили этот Новый год встретить одни, без мужчин, в которых, как они потом Роману сказали, не нуждаются, потому что все мужики – бабники, сволочи и импотенты. Правда, увидев Романа за дверью, они предложили ему войти, затем снять пальто и шапку и пройти за стол. Весело щебеча, они выпили с Романом, каждая «на брудершафт», и сразу же предложили сыграть «в бутылочку», объяснив, что по условиям игры побеждает та, что будет дольше с Романом целоваться, и даже откуда-то достали секундомер.

От такого испытания на групповую честность и порядочность Роман избавился с трудом, пообещав дамам, что, если к 12 часам, к звону курантов, он не найдёт свою жену, он обязательно к ним вернётся.

Собравшиеся у Инны Санпитер гости весело проводили старый год и стали готовиться к встрече года нового, освежая время от времени свои мозги алкоголем. Когда в 23 часа Роман не появился, народ задумался: почему бы это? Было решено отправиться на поиски. Срочно были созданы три поисково-оперативные группы по два мужика и одной женщине с бутылкой водки и тремя бутербродами на группу, а жена Катя засела за телефон, обзванивая всех, чьи телефоны она помнила.

Поисковые группы, разделившись на улице, ушли в ночь, чтобы через семь минут встретиться в первом подъезде, распить одну бутылку водки «для сугреву», а вторую – для того, чтобы Роман нашёлся. И водки, и бутербродов хватило всем. Порадовавшись на это обстоятельство, объединённая оперативная группа из девяти человек отправилась обратно к Инне Санпитер на базу сообщить, что Роман пока вне досягаемости и, вероятно, где-то сидит и пьёт водку, встречая праздник.

А в это время Роман продолжал поиски. Оставался последний дом в микрорайоне, где не ступала его нога. Но и силы были уже на исходе. Мороз,

количество выпитого и марафон по подъездам до третьего этажа сделали своё подлое дело. Усталость буквально сковывала ему ноги, и с каждым подъездом всё труднее было поднимать их по лестницам. Хотелось спать, и где-то даже мелькнуло желание вернуться к трём дамам на их девичник, и только мысль, что там не заснёшь, сдержала этот порыв. Наконец, остался последний подъезд, и Роман, с трудом открыв дверь, вошёл.

Подняться на третий этаж у него уже не было сил и, стоя у первой попавшейся двери второго этажа, Роман понял, что дальше он никуда не пойдёт.

- Пусть выгоняют, пусть ругаются, пусть вызывают милицию, но я отсюда не уйду, не уйду. А то я просто замёрзну, - думал он, поднимая руку к кнопке звонка.

До Нового года оставалось ровно четыре минуты, и переставшие ждать Романа гости стали усаживаться за стол, чтобы с первыми звуками курантов поднять бокалы. И вдруг раздался дверной звонок. Он звонил долго, без перерыва, с какой-то нагло безысходной настойчивостью. Все вскочили и побежали открывать.

Роман сначала увидел незнакомую довольно приятную женщину, а за ней родные и милые лица своих друзей и жены, которая вдруг заплакала и кинулась к нему навстречу. Он понял, что победил, и в тот же миг почувствовал, как силы покидают его. С криком «гинеколога мне!» он буквально упал на сильные руки, потянувшиеся к нему со всех сторон.

Полностью Роман пришёл в себя уже за столом, сидя на диване в чьих-то валенках и махровом халате поверх костюма. В руках он держал полный бокал с шампанским и с удовольствием следил за капельками воздуха, отрывающимися от стен бокала и улетающими вверх, в необъятный простор. Он сидел, смотрел на родные лица и думал:

- Всё-таки прекрасная эта штука – жизнь. И нет в этой жизни ничего лучше, чем она сама.

С Новым годом вас, дорогие друзья! С новым счастьем! И никогда не склоняйте голову перед трудностями!

Искренне ваш . Лев Левнер.

